

Стих для Веснушки

Рассказ

Ах, школьное детство! Вспомнишь – и словно из волшебного родника чистой-пречистой живой воды напьёшься.

В начале учебного года в шестом классе наша классная Галина Мефодьевна решила сделать пересадку учеников: ей казалось, что таким образом должны улучшиться дисциплина и успеваемость. Меня учительница посадила с самой невысокой ученицей Надькой Весниной, у которой было два прозвища – Кнопка и Веснушка, робкой девочкой с торчащими в разные стороны косичками.

Надька была почти отличницей, а я учился, честно говоря, не очень, чтобы очень, и дисциплина, так сказать, хромала. Наверное, классная думала, мол, я стану на неё равняться и подтянусь по всем показателям. Я же думал несколько по-другому: хорошо, я стану у Надьки списывать и получать соответствующие отметки.

Но у Веснушки оказался вредный характер: «слизывать» она не позволяла – никакие уговоры не действовали. Когда же я пытался подглядывать, она выставляла локоть как непреодолеваемый заслон, а то и ставила книги на попа так, что в тетрадь не заглянешь.

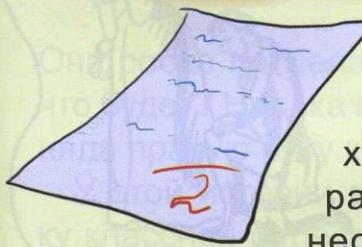
Надо было принимать какие-то меры. Перво-наперво я потянул Надьку за ленты, вплетённые в косички. Они развязались, косички опали (я-то думал, что в них спрятаны проволочки, раз торчали!). Сделано это было во время урока, и учительница выставила меня за дверь.

Я надеялся, что Надька поймёт мой недвусмысленный намёк, но тщетно: списывать она так и не разрешала.

Второе и третье, что я сделал, больше походило на диверсию. Сначала подложил соседке на сидение пару кнопок, и когда Надька опустилась на него, то вскрикнула от боли. Благо стояла зима, и одежда смягчила уколы. Когда же и это не подействовало на сознательность соседки, я придумал нечто поэффективней – бросил в её чернильницу кусочек карбида. Произошла химическая реакция, в результате которой чернила, пузырясь и шипя, поползли на парту.

За такое меня чуть не исключили из школы. Директор топал ногами, грозил, что не потерпит хулиганов, но классная почему-то заступилась за меня.

Учиться я остался, но в моих тетрадях и дневнике по-прежнему красовались редкие четвёрки вперемежку с хилыми тройками и зловещими двойками. У Надьки же – пятёрки.

Я было совсем отчаялся. Но однажды, взяв зачем-то толстенный синий том со стихами Пушкина, который хранился в нашем доме, прочитал такие строки:

**Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской.
Я томлюсь и умираю,
Гасну пламенной душой.**

— О! — подумал я. — Если имя «Лила» заменить на «Надя», а далее — по тексту, переписать стихотворение и подсунуть Надьке, она прочитает моё объяснение в любви, её душа растает — и списывай, Валерка, ненавистные примеры!

Но украдь стихи у Пушкина я не посмел, а решил сам попробовать сочинить нечто подобное. Вечера три сидел за столом, обхватив голову руками, думал, рифмовал. Мама же была уверена: сын взялся за ум — уроки делает. Написав стихотворение, я дал прочитать его знакомому старшекласснику. Тот за два пирожка с повидлом исправил грамматические ошибки.

Годы спустя я восстановил по памяти то, что сочинилось в шестом классе.

**Домик унылый. Вокруг — земля
Рыжая и сероватая.**

**Здесь начиналась юность моя
Тревожная, невозвратная.
Здесь я стих тебе написал,
Волнуясь от вдохновения,
Здесь и ответ от тебя я ждал,
Страдая от нетерпения.**

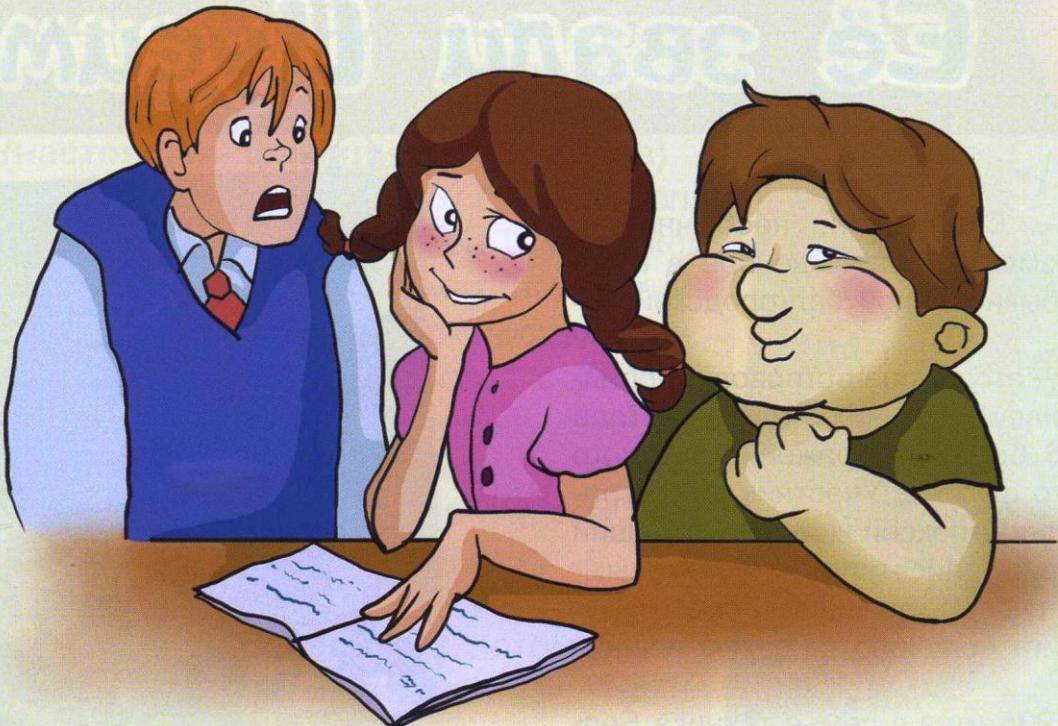
**Здесь и ответ я получил,
Страстный, жаждущий,
И навсегда тебя полюбил
Любовью негаснущей.**

Творение было явно «под Пушкина», но мне оно казалось верхом совершенства.

Переписав стихотворение на лист, вырванный из школьной тетради, я пришёл в тот день в школу чуть ли не первым. Положил на парту свой шедевр и стал ждать.

Надька залетела в класс перед самым звонком на урок. Я сидел смирно, каким, наверное, до этого никогда не был. Веснушка, увидев такую картину, осторожно пошарила ладонью по сидению — кнопок не было.

Она робко присела, увидела перед собой лист. Прочитала. Я замер, не дыша: что будет? Надька перечитала второй раз и – помню этот жест до сих пор – подняла правую руку к виску и недвусмысленно повертела около него пальцем.

У этой истории есть продолжение. Не помню уж почему, но вскоре Веснушку классная пересадила на заднюю парту, к переростку Витальке Коломыцеву, которого кроме футбола ничего не интересовало. А через несколько дней я наблюдал с обидой и горечью, как довольный Коромысл (такое у одноклассника было прозвище) сдувал с Надькиной тетради домашнее задание по математике. О, загадочная девичья душа!

Девчонки... Их притягательность по мере подрастания и взросления усиливалась. Даже самые невзрачные вдруг хорошили, в них появлялось такое, что заставляло неосознанно волноваться. Предметом всеобщего обожания мальчишек была Ирка Вивдич – девочка из параллельного класса. Миниатюрная, кареглазая, с чёрными волосами, коротко подстриженными, что в то время было редкостью, она так задорно смеялась, что самому хотелось улыбаться. Ирка носила такую же школьную форму и такой же фартучек, что и другие девчонки, но с каким-то особым форсом, а её белые туфельки вызывали нескрываемую зависть подруг.

И вдруг Ирка перестала ходить в школу. Поползли слухи – она серьёзно заболела. А однажды, придя на уроки, мы увидели на доске объявлений портрет в траурной рамке. Ирка на фотографии, как всегда, улыбалась, словно просила не верить в нелепость того, что с ней произошло.

После того печального события я старался ни словом, ни поступком не обижать девчонок и даже простил «измену» Надьке, а однажды, осмелившись, пригласил её после уроков в кино. И Веснушка, удивлённо вскинув брови, согласилась. Так я невольно отомстил Коромыслу. У него, ошарашенного, просто глаза полезли на лоб, когда он увидел нас вместе в кинотеатре...